

Примирение противоположностей

Я отразил здесь размышления о жизни человека в современном массовом обществе и о воздействии тоталитарного строя на личность. Отдельные фрагменты текста уже выходили ранее как статьи, но специально для этой книги были существенно доработаны. Большая часть материала публикуется впервые.

На протяжении двадцати лет я тщательно обдумывал изложенные здесь идеи, в нынешнем виде сформулировал их лишь недавно. В научной литературе не принято рассказывать о том, как менялись твои жизненные взгляды. И все же, если твоя работа строится на наблюдении, интроспекции^{*} и тщательном исследовании мотивов, поневоле задумываешься о внутренних нитях, связующих воедино труд всей твоей жизни, когда решаешь, что

^{*} Метод психологических исследований (по-другому — самонаблюдение). Изучение человеком собственных психических процессов, мыслей и эмоций, осмысление своего внутреннего опыта. *Прим. пер.*

из написанного тобой нужно переосмыслить или даже кардинально пересмотреть, что по-прежнему актуально, а о чем лучше вообще забыть. Думаю, читателю тоже будет интересно узнать, что мысли в этой книге не просто изложены одним человеком по конкретной теме, а имеют глубокое внутреннее единство. Большую роль здесь играет мой личный опыт, и я решил поделиться несколькими историями из своей жизни. Без них книга могла бы показаться всего лишь очередным пассажем на тему социальной психологии.

Впрочем, есть еще одна гораздо более важная причина. Это — мое убеждение, что противостоять и противодействовать угнетающему воздействию массового общества человек способен, только когда его дело — это продолжение его самого. Выбор дела не может быть случайным, исходить из удобства или соображений выгоды. Он обязан напрямую отвечать нашему стремлению реализовать себя в этом мире. И не менее важно, чтобы результат нашей работы отвечал нашим ценностям. Будучи убежден в этом, я буду говорить о том, что затрагивает меня лично, и начну с рассказа о событиях, в силу которых оказался непосредственно вовлечен в проблемы, обсуждаемые на страницах этой книги.

Поколение моих родителей растило детей в особенной, безвозвратно ушедшей атмосфере — народы Западной и Центральной Европы желали верить в наступление эпохи прогресса, безопасности и счастья. Реальное положение дел свидетельствовало совсем о другом, но европейцы крепко ухватились за это новое мировоззрение.

Особенно та часть общества, которую сегодня мы назвали бы верхушкой среднего класса и которая пожинала больше всего благ от достижений рубежа XIX–XX вв. Им было проще простого принять эти удобные взгляды, поскольку они подтверждались их личным опытом. На их глазах прогресс в социальной, экономической и культурной сферах шел уверенной поступью, при поддержке разумной и справедливой политики, ориентированной на социальные инициативы, что определило лицо Западной Европы перед Первой мировой войной.

Но однажды августовским вечером лорд Грей* с глубокой печалью прозорливо изрек: «Фонари гаснут по всей Европе. Нам уже до конца своих дней не суждено увидеть их зажженными вновь». Его пророчество не только сбылось, но и пережило его, оказавшись актуальным и для нас. Северная Европа перестала быть «кузницей рода человеческого»**, во что никак не верилось моему поколению, пока Гитлер не сделал это очевидным для всех.

Становление венских интеллектуалов, моих ровесников, происходило на фоне общего упадка, вызванного Первой мировой войной. Мы переживали подростковый кризис раннего взросления при отягчающем воздействии социально-экономического хаоса послевоенных лет. Его кульминацией стал сначала российский большевизм, затем

* Лорд Эдвард Грей (1862–1933), министр иностранных дел Великобритании (1905–1916 гг.), сказал так, возвращаясь в августе 1914 г. с дившегося всю ночь заседания правительства и видя, как по случаю рассвета фонарики перекрывают газ в уличных фонарях. *Прим. пер.*

** По определению готского историка VI века Иордана. *Прим. пер.*

национал-социализм, а потом разразилась Вторая мировая. Тяжело пришлось молодому поколению всей Европы, однако для нас, венцев, страдания еще усугубились крахом Австро-Венгерской империи. Все это поставило передо мной ключевые проблемы ума и сердца, дало пищу жарким дискуссиям на тему «природа или воспитание?», «врожденное или приобретенное?».

Невзгоды войны и послевоенная нищета в Вене, внезапно утратившей имперские блеск и статус, крах государственного строя как раз в период, когда подросток восстает против мира своих родителей, породили серьезные трудности. Тяжело восставать против взрослых, чей мир в одночасье рассыпался на мелкие кусочки. Но бунт против родителей вызван чувством предательства от осознания того, что родитель, которого ребенок считал деспотичным, но защищающим героя, оказался всего-навсего глиняным божком. Ты больше не можешь сравнивать свои новоприобретенные ценности с родительскими. И как теперь хотя бы проверить свой новый, еще не опробованный способ жить, если проверять больше не на чем, если родительский образ жизни оказался таким непрочным и зыбким? Подросток понимает, что вдруг лишился надежной опоры, нет, не родительской поддержки, но тех ценностей, что они ему привили. И происходит это как раз тогда, когда он больше всего нуждается в безопасной гавани, откуда мог бы осмелиться пуститься в нелегкий путь к независимости. Сильнее всего подросток переживает утрату чувства защищенности,

которое давали родители и которое само по себе позволяло ему без особого риска бунтовать против олицетворяемого взрослыми мира*.

В поисках определенности

Все это разожгло во мне страстное желание построить новое правильное общество. Желание породило уверенность, что нетрудно создать непохожее на прежнее, «хорошее» общество, которое обеспечило бы всем благополучную жизнь. Устойчивое и безопасное, оно гарантировало бы каждому максимальную свободу личного развития и самореализации.

Потребовались годы — с конца Первой мировой войны почти по канун Второй, — чтобы я наперекор сильному внутреннему сопротивлению умом осознал взаимно противоречивую природу этих требований. Признание этого вывода далось мне серьезной борьбой с собой. Труднее всего было принять его эмоционально.

Поскольку мой подростковый кризис разворачивался в Вене, а сам я происходил из буржуазного семейства ассимилировавшихся евреев, на меня, конечно же, сильно повлияло учение Фрейда. Оно похоронило мою надежду, что все дело в недостаточно рационально устроенном

* Та самая психологическая ситуация, а также реакция на нее полной безнадежностью, которая лежит в основе многих произведений Ф. Кафки.

обществе. Психианализ предполагал, что не общество порождает в человеке проблемы, а, скорее, скрытая внутренняя противоречивость человеческой природы порождает проблемы для общества.

Так предстал передо мной конфликт между врожденным и приобретенным: если я хочу построить хорошее общество, нужно ли в первую очередь достаточно радикально изменить среду, чтобы каждый человек смог полностью самореализоваться? В этом случае от психианализа можно было бы отказаться, сохранив его разве что для немногочисленных душевнобольных индивидов. Или данный подход к проблеме неверен и выстроить «хорошее» общество способны только те, кто, пройдя через психианализ, достиг полного освобождения личности? Тогда следует на время забыть о социально-экономической революции и вместо нее продвигать в массы психианализ — в надежде, что стоит подавляющему большинству людей внутренне освободиться, и они почти автоматически построят благополучную жизнь для самих себя и других.

За редким исключением все в узком кругу моих близких друзей (понятие «группа сверстников» еще не было на слуху в послевоенной Вене) жаждали во что бы то ни стало определиться во взглядах, как это свойственно всем юным. Чтобы избежать внутренней борьбы и противоречий, они, не пожелав детально разбираться, безоговорочно приняли из двух теорий более близкую для себя. Одни примкнули к социализму, а может, даже к раннему коммунизму — чтобы спустя несколько лет сделаться приверженцами либо

официального коммунизма (русского образца), либо отколовшейся от него оппозиции (последователи Троцкого), — и напрочь отвергли все, чему их учил Фрейд. Другие избрали противоположный путь и столь же страстно увлеклись психоанализом. Третьи, самая многочисленная группа, в основном университетские студенты, нашли себя в частном мире искусства или науки, тогда как многие мои друзья-неевреи подались в католицизм или примкнули к неокатоликам* (а позже к национал-социалистам). Тем самым они как бы оказались в стороне от вышеназванного конфликта. Разумеется, как в первой, так и во второй группе нашлись перебежчики: сначала всецело преданные одному мировоззрению, скажем коммунизму, они позже не моргнув глазом предпочли ему психоанализ. И наоборот.

Я же, хоть и не менее друзей желал определенности, все-таки не ощущал в себе готовности сделать окончательный выбор в пользу какой-то из этих концепций. Безусловно, я отмечал у обеих положительные стороны, но по отдельности каждая из двух представлялась мне пустопорожней. Компромиссная идея подсадить психоанализ к коммунизму, избранная горсткой моих друзей (более всего известен в этом плане Вильгельм Райх**), сразу вызывала сомнения,

* Неокатолики — последователи неокатолицизма, течения в католицизме, в основе которого лежит концепция христианского социализма. Странники неокатолицизма рассчитывали примирить религию с революцией. *Прим. пер.*

** Вильгельм Райх (1897–1957) — австрийско-американский психоаналитик и психиатр. Стоял у истоков отдельного направления — «телесно ориентированный психоанализ». Много времени уделял изучению человеческого характера. Убежденный коммунист. Предпринимал попытки объединить идеи К. Маркса и З. Фрейда. *Прим. ред.*

а позже ее утопичность подтвердилась самой жизнью. Противоречия такого союза оказались слишком сильны.

Признаться, и у меня был период, когда я старался обойти проблему выбора, с головой уходил в частную жизнь. Я сосредоточился на литературе, живописи, музыке и при этом общался лишь с горсткой близких друзей. Но хотя моя увлеченность искусством предшествовала интересу к психоанализу и социальным проблемам, ответа на мой вопрос об улучшенном человеке в улучшенном обществе в сфере культуры тоже не было. Впрочем, сдаваться я не собирался. Сумей я копнуть глубже, думалось мне, и тот самый единственный и правильный ответ найдется.

Глубже, на мой взгляд, в суть вещей проникала философия, и я начал посвящать время ей. Я открыл для себя учение о единстве противоположностей^{*}, но поскольку я хотел однозначных решений, то я не понимал, как оно поможет мне постичь динамическую взаимозависимость организма и окружающей среды. Не осознавал, что жизнь заключается в борьбе за достижение личностной целостности в рамках принципиально неразрешимого конфликта. В то время я не был готов принять последнее как факт. Я был молод и убежден, что всякую среду — в основном, конечно, общество — надо переустроить так, чтобы она сама подталкивала индивида к реализации себя. Правда, я еще не дошел до мысли, что самореализация

^{*} Выдвинуто немецким философом и мыслителем Николаем Кузанским (1401–1464). *Прим. пер.*

осуществляется в рамках *conjunctio oppositorum*, единства противоположностей.

И снова я задавался вопросом, действительно ли хорошее общество справится с задачей производить хороших людей, а те потом будут поддерживать его? Или ныне существующий человек в принципе неспособен создать хорошее общество и хорошо жить в нем, потому что стремление все разрушить — в самой человеческой природе? Если верно первое, значит, хорошее общество должно быть построенное — во что бы то ни стало, даже ценой великих страданий не одного поколения, поскольку такой социум станет колыбелью хороших людей. Именно это, казалось, обещал сделать коммунизм. Однако уже к 1920-м гг. стало очевидно, что Россия строила не то общество, которое гарантировало бы человеку полную самореализацию. Определенную надежду давали социал-демократы. Не без сомнений и с тяжелым сердцем я примкнул к их рядам. Уже тогда стало ясно, что они смогут построить хорошее общество, только когда в партии будут преобладать те самые хорошие люди.

С другой стороны, если построить хорошее общество способны только хорошие люди, значит, проблема в том, чтобы преобразовать существующего человека в хорошего. А он затем по своему подобию создаст и будет поддерживать хорошее общество. Из всех известных методов воздействия на личность психоанализ представлялся самым перспективным в плане способности радикально изменить нынешнего человека к лучшему. К тому времени некоторые мои друзья уже прошли личный психоанализ ради того,

чтобы стать психоаналитиками. Едва ли нашлись бы среди них те, кто пошел бы на это, не имея целью данную карьеру. В кругу молодых интеллектуалов мода на психоанализ едва-едва начала проклеиваться только в начале 1930-х гг. Личностные перемены, которые я наблюдал в друзьях, говорили не в пользу способности психоанализа создать хорошего человека, который потом создаст хорошее общество. Правда, объясняли это обычно тем, что пациенты психоанализа сами по себе слишком нездоровы, чтобы во всей полноте демонстрировать достоинства метода.

Надежды на психоанализ

В конце концов я обратился к психоанализу, возлагая на него больше надежд, чем на политические реформы. Не только потому, что разочаровался в возможностях хорошего общества создать полностью свободного человека. Мною двигали как личные причины, так и настоятельное желание разрешить мучившие меня проблемы. И поначалу я вовсе не собирался практиковать психоанализ, хотя помимо пользы для себя лично надеялся с его помощью глубже постичь интересовавшие меня теоретические, социальные, философские и эстетические вопросы. Ответы на них я почти наверняка сумел бы найти с помощью психоанализа, как нашептывала мне юношеская самоуверенность.

Мне потребовались годы личной терапии и еще многие годы работы с пациентами в качестве психоаналитика,

чтобы я усвоил, до каких пределов психологический опыт способен менять человека, живущего в среде определенного типа, и где влияние общества заканчивается. Пережив приход к власти Гитлера, концлагерь, а затем эмиграцию в Новый Свет, я осознал, до каких пределов общество способно влиять на личность и на образ жизни индивида, а дальше каких уже нет. Двадцать лет назад я усвоил эти уроки. Однако, чтобы окончательно осознать их, мне потребовалось еще два десятка лет.

Во-первых, я понял, что психоанализ, хотя серьезно помогает взрослому преодолевать личные трудности, бессилен трансформировать человека настолько, чтобы обеспечить ему хорошую жизнь. Потребовалась бы масштабная социальная реформа для изменения к лучшему большинства людей. Во все времена, конечно, встречались немногие, у кого получалось самосовершенствоваться целой глубокой внутренней борьбой. Но добиться хорошей жизни для большинства возможно только при условии, что изменится и подход к воспитанию малышей, и образование. Практически весь приобретаемый молодежью жизненный опыт должен стать другим. Но прежде чем ратовать за реформы, следовало понять, что делают с ребенком нынешние методы воспитания, как они влияют на его дальнейшую жизнь и тем самым на само общество в целом. В моем случае маятнику пришлось многократно раскачиваться между двумя допущениями (что человека формирует общество или что его формирует детство), прежде чем я сердцем принял идею, которую давно уже постиг

разумом: главное для хорошей жизни — это тонкий баланс между личными устремлениями, правомерными требованиями общества и натурой человека. Перекос в сторону одного аспекта из трех ничего не даст.

Следующий урок, который мне понадобилось усвоить, касался природы человека и влияния на нее общества. Здесь я подхожу к самой сути дела моей жизни. Речь о применении психоанализа для решения социальных проблем вообще и в воспитании детей в частности.

К мысли, что над теорией и практикой психоанализа еще работать и работать, я пришел, наблюдая, что может, а что не может дать терапия двоим ребятам с аутизмом, с которыми я прожил бок о бок несколько лет. Чтобы добиться улучшений в дополнение к ежедневным сеансам психоанализа, очевидно необходимо было корректировать условия жизни пациентов. Размышления об этом привели меня к однозначному выводу. Воздействия классического психоанализа недостаточно, чтобы способствовать необходимым личностным переменам у людей с сильными нарушениями психики. Собственно психоанализ или организованная на его основе среда должны воздействовать непрерывно, а не только по часу в день — во всяком случае, так я в то время полагал. Я применил этот метод с теми двумя подростками, правда с ограниченным успехом. И все же я смог до этого додуматься. Тогда я еще не признал, что мои юные пациенты больше всего нуждались в том, чтобы жить в человеческом окружении, которого тогда еще не существовало и которое следовало специально организовать под эту

конкретную задачу. Им требовались содержательные отношения и значимые цели, а не просто применение психоанализа к жизни, которую они и так уже знали.

Дальнейшие сомнения в психоанализе пришли ко мне, можно сказать, из первых рук. Еще лет за десять до того, как Гитлер оккупировал Австрию, из-за чего моя внешняя жизнь в корне изменилась, я смутно осознавал неминуемость собственного внутреннего кризиса, хотя с социальной и профессиональной точек зрения все у меня выглядело вполне благополучно. Между тем, хотя и довольно поздно, меня настигло состояние, которое десятилетиями позже Эриксон^{*} определит как психосоциальный мораторий^{**}. Его не помогли преодолеть ни годы психоанализа, ни последующая жизнь.

И все равно к моменту ареста я не сомневался в достоинствах психоанализа вообще и в собственных достоинствах психоаналитика в частности. Я верил, что этот метод дал мне все, что мог, и большего из него не выжмешь. И настроился, скрепя сердце, жить таким, каким тогда был, и старался полюбить такое свое бытие.

Благодаря личной терапии и моему психоаналитику я оказался способен понимать замкнутых, испорченных

^{*} Эрик Хомбургер Эриксон (1902–1994) — психолог, психоаналитик. Автор теории стадий психосоциального развития. В сфере интересов — психология развития. Разработал понятие «кризис идентичности». *Прим. ред.*

^{**} Психосоциальный мораторий — особое время в жизни молодого человека, который еще не готов занять свое место в обществе, не чувствует себя достаточно взрослым, чтобы брать на себя взрослые обязанности. Это период поиска себя, подготовки к новой социальной роли. *Прим. пер.*

и психотических детей и оказывать им помощь. А также смог создать для них особенное социальное окружение, в котором они нуждались, чтобы раскрыть свой внутренний потенциал.

С другой стороны, воздействие концлагеря за какие-то недели дало мне то, чего не сумели дать годы достаточно успешного психоанализа. (Понимаю, что этим признанием я подставляю под критику себя и своего аналитика, что психоанализ дал мне осознание моих внутренних проблем, но не привел к их проработке. Полагаю, надо отдать должное моему психоанализу, что критика не пугает меня.)

Новые точки зрения

Я продолжал изучать и практиковать психоанализ в надежде понять истинную природу людей. Пускай я уже разочаровался в психоаналитической терапии как в средстве создать хорошего человека, но продолжал верить, что психоанализ способен значительно менять личность.

Год в Дахау и Бухенвальде (1938–1939) стал для меня огромным потрясением во всех смыслах. Он научил меня столь многому, что я далеко не уверен, сумел ли даже сейчас постичь все преподанные мне им уроки. И поскольку книга в основном посвящена психосоциальному исследованию концлагеря, здесь я не буду повторять, что представлял собой этот опыт. О влиянии размышлений, вынесенных из концлагерной жизни, на мою работу можно судить

хотя бы по моей статье о развитии шизофрении в ответ на экстремальные ситуации¹. Каковы были эти размышления и что меня к ним подтолкнуло?

Оговорюсь, что их следует рассматривать исключительно в контексте концлагерного опыта. Страх смерти, крайние лишения, которым намеренно подвергали всех заключенных и особенно заключенных-евреев, — все это не способствовало ясности мысли. Но, по всей вероятности, притупленность рассудка восполнялась сильными эмоциональными впечатлениями, что свойственно человеку в экстремальной ситуации. Такие впечатления накрепко врезаются в сознание и могут повлечь за собой — когда не вытесняются — переоценку всех ценностей, даже если рассудок неспособен сразу разобраться в них или понять их далекоидущие последствия.

За колючей проволокой меня мало трогало, состоятельна ли теория психоанализа. Единственное, что меня волновало, — как выжить и при этом сохранить себя физически и морально. В заключении я сделал важнейшие открытия. Люди, которые, согласно теории психоанализа, как я тогда понимал ее, должны были проявлять больше всего стойкости в суровых условиях концлагеря, не самым лучшим образом показывали себя в ситуации крайнего стресса. Зато другие, кто согласно той же теории должен был сломаться, являли блестящие примеры мужества и человеческого достоинства. Я также видел стремительные трансформации в человеке, не только поведенческие, но и личностные. И они были гораздо более быстрые и радикальные, чем те,

которых позволяла добиться психоаналитическая терапия. Учитывая обстановку, зачастую это бывали изменения к худшему, но иногда явно и определенно к лучшему. Откуда следовало, что одна и та же среда способна вызывать кардинальные перемены как в ту, так и в другую сторону.

Я больше не сомневался, что окружение способно формировать человека и действительно отвечает за значимые аспекты его поведения и личности. В каком-то смысле для меня это был откат к моим более ранним, допсихоаналитическим воззрениям, что хорошего человека способно выковать исключительно хорошее общество, только наоборот — я своими глазами видел, что неблагоприятная среда явно пробуждала в человеке зло. Однако те же губительные социальные условия раскрывали, а вероятно, даже порождали новые достойные похвал качества у тех, кто прежде никогда не обладал ими. Если одно и то же общество, в данном случае концлагерный мир, могло производить в человеке глубокие перемены, следовало предположить, что именно общество определяло личность человека. Однако на разных людей оно влияло очень по-разному и иногда порождало в корне противоположные личностные перемены и типы поведения. Следовательно, это выбор самого человека, каким быть и как проявлять себя в социуме, независимо от особенностей того или другого общества. Эти совершенно неожиданные для меня откровения никак не вписывались в концепции психоанализа.

Не скажу, чтобы мне легко дались эти выводы, но они были необходимы, если я хотел выжить и остаться собой.

Понятия психоанализа, которыми я раньше старался руководствоваться в жизни, обманули меня, и обманули жестоко. Они оказались несостоятельны именно тогда, когда я больше всего в них нуждался. Так что мне срочно требовались новые взгляды. Самым главным для меня было четко определиться, в чем можно поддаться внешней среде, не поступаясь своим внутренним «я». Одни заключенные полностью капитулировали перед средой. И в большинстве своем они либо очень скоро деградировали, либо переходили в разряд «узников-старожилов». Другие старались сберечь свое прежнее «я», но хотя у них было гораздо больше шансов выжить, сохранив свою личность, им не хватало психологической гибкости. Почти все из них просто не могли находиться в экстремальных условиях и погибали, если вскоре не получали свободы.

Громадное воздействие окружения на человека я осознал не без боли, зато быстро. Мое заключение в концлагерях пришлось на то время, когда почерпнутые мной из психоанализа убеждения были как никогда крепки: я не сомневался, что наиважнейшую роль в формировании личности играют ближайшие родственники, а влияние общества можно считать малозначительным. И столь же твердо верил, что психоанализ не знает себе равных, когда нужно добиться внутреннего освобождения индивида и помочь ему стать целостной личностью.

За считанные дни лагерный опыт убедил меня, что я был неправ, веря, будто только перемены в человеке способны вызвать перемены в обществе. Мне пришлось признать,

что среда способна перевернуть личность человека, так сказать, вверх тормашками, и не только ребенка, но и взрослого тоже. Если я хотел уберечь свою личность, мне надлежало признать этот потенциал среды, решить, в каких аспектах и в какой степени я могу приспособливаться, а в каких ни в коем случае. Но психоанализ, как я его тогда понимал, здесь ничем не мог помочь мне.

Психоанализ, в котором я видел золотой ключик к решению всех проблем человека, не мог подсказать, как выживать в концлагере, и хотя бы отчасти достойно. Мне пришлось опираться на чуть ли не отрицательные с точки зрения психоанализа качества. А те качества, которым я привык придавать огромное значение, зачастую больше мешали, чем помогали.

Не спорю, психоанализ действительно был полезен мне, чтобы осмыслить проблемы, с которыми я столкнулся. В человеке всегда присутствуют неинтегрированные асоциальные наклонности. При определенных условиях контролирующие и сдерживающие барьеры рушатся и выпускают их на волю. Нахождение в концлагере ломает систему торможения асоциальных проявлений. Если разные индивиды по-разному реагируют на это, если у одних сдерживающие механизмы срабатывают, а у других отказывают, если у кого-то защита от асоциального поведения только усиливается, значит, все эти проявления можно отнести на счет индивидуальных различий, разницы характеров и жизненного опыта.

Подобные объяснения могли пролить свет на происходившее с некоторыми людьми. Но меня не столько

интересовали способности психоанализа разъяснить те или иные вещи, сколько вопрос, способны ли эти объяснения, и если да, то насколько, помочь мне и моим товарищам выживать, сохраняя свою человеческую личность в нечеловеческих условиях. Общение с узниками, независимо от того, проходили они психоанализ или нет, убедительно свидетельствовало, что в решающие моменты побудительные мотивы поступков абсолютно неважны, важны лишь сами поступки. Пускай психоанализ мог объяснить их причины, зато среда напрямую влияла на поступки людей — правда не всех.

Поначалу смутно, а затем все более отчетливо я видел, что поступки человека вскоре меняли его личность. Стойко переносившие заключение становились лучше, те же, кто поступал дурно, падали еще ниже. Причем эти перемены, во всяком случае так оно тогда казалось, происходили вне зависимости от прежней жизни и прежней личности человека, по крайней мере вне зависимости от тех аспектов личности, которым психоанализ придавал большое значение.

В условиях концлагеря просто не получалось рассматривать мужественные, связанные со смертельным риском поступки в категориях психоанализа, таких как проявление инстинкта смерти, обращенная внутрь агрессия, стремление проверять на прочность свое тело, маниакальное отрицание опасности, желание демонстративно насытить собственный нарциссизм и проч. Эти и многие другие интерпретации были бы правомерны в рамках глубинной психологии (психологии бессознательного), где они безусловно

применимы. Представлялось более чем неуместным интерпретировать мужественное поведение заключенного в пределах спектра углубленного психоанализа. Сам по себе психоанализ от этого ничего не терял, зато из-за этих шокирующих изъядов сильно упал в моих глазах, чего я никак не ожидал.

Действия человека в критической ситуации, понял я, никак нельзя выводить из его внутренних скрытых мотивов, чаще всего противоречивых. Ни его сновидения, ни его спонтанные ассоциации или сознательные фантазии не позволяли верно предсказать, как он поступит в следующий момент — рискнет ли жизнью во спасение других или бросится в панике предавать их ради мнимой выгоды.

Пока действия окружающих не несли прямой угрозы моей жизни и представляли для меня скорее теоретический интерес, я мог позволить себе считать бессознательные процессы других людей равнозначными их внешнему поведению, если не более значимыми. Пока моя жизнь текла своим упорядоченным чередом, я мог позволить себе верить в то, что работа моего бессознательного была если не моим «истинным» я, то определено моим «глубинным» я. Но когда в некий момент от моих действий зависела моя жизнь, а в следующий момент — жизни моих товарищей, я понял, что мои действия гораздо больше выражали мое «истинное» я, чем мои бессознательные или подсознательные мотивы. А еще эти действия, как мои собственные, так и других людей, очень часто шли вразрез с тем, что можно было бы вывести из работы бессознательного. И я уже

не мог соглашаться, что вскрываемое методами глубинной психологии и составляет «истинную» натуру человека. Все происходящее в бессознательной сфере, безусловно, истинно для человека и составляет часть его самого и его жизни, но это не есть «истинный» человек.

Повторюсь, что проще простого объявить и принять, что человека определяют совокупность его ид, эго и суперэго^{*}, что человек есть совокупность своего внешнего поведения и своего бессознательного. Однако дело не в том, существуют ли эти компоненты, а в том, каким из них и в каком сочетании прежде всего уделять внимание, чтобы жить хорошей жизнью и построить хорошее общество; чтобы изменить окружение и педагогические методы, чтобы достичь баланса справедливости.

Итак, какие уроки я вынес из своего заключения в концентрационных лагерях?

Первое: психоанализ не является самым эффективным инструментом для *трансформации* личности. Гораздо более радикальные перемены, и в несравненно более короткий срок, дает помещение индивида в среду определенного типа^{**}.

^{*} Основоположник психоанализа З. Фрейд говорил о трех компонентах психики человека. «Оно» (по-другому «ид») — примитивная часть психики. Находится под влиянием инстинктов. Суперэго включает в себя моральные ориентиры, идеалы, его миссия — контролировать импульсивное «оно». Эго — реалистичное начало. Его цель — уравновешивать «оно» и «суперэго». *Прим. ред.*

^{**} Одним из дальнейших последствий этого вывода стало применение милитерапии, т. е. лечения посредством целенаправленного создания общей среды, способствующей достижению коренных личностных перемен в людях, на которые нельзя воздействовать психоанализом.

Второе: существовавшая на то время теория психоанализа не объясняла всего, что происходило с заключенными. она мало чем помогала понять, что способствует созданию «хорошей» жизни и «хорошего» человека. Используемый в должной системе координат, психоанализ многое прояснял. Применительно к явлениям, выходящим за пределы его сферы, психоанализ скорее искажал их суть.

Пускай психоанализ мог поведать о сокрытом в человеке, об истинном человеке он говорил гораздо меньше. Поясню на примере: эго никоим образом не выступало в роли жалкого прислужника при ид или суперэго человека. Некоторые люди демонстрировали поразительную силу своего «я», которая, казалось, нисколько не проистекала ни из их ид, ни из их суперэго.

На сегодня это общеизвестные истины — еще с тех пор, как Хайнц Хартманн^{*} разработал концепцию автономности эго, а позже вместе с Э. Крисом^{**} установил существование нейтрализованной (эго) энергии. Я не мог знать об их теоретических выкладках, позже развитых Эриксеном и Рапапортом^{***}, когда на себе испытывал, каково выживать в концлагерях и что там творят с личностями заключенных.

^{*} Хайнц Хартманн (1894–1970) — австрийский и американский психоаналитик. Разрабатывал вопросы нормы и здоровья в психоанализе. Стоял у истоков «эго-психологии».

^{**} Эрнст Крис (1900–1957) — психоаналитик, искусствовед. Среди его интересов — детская психология, психология творчества. Проводил междисциплинарные исследования на стыке искусства и психоанализа. Предложил новую концепцию «эго», свои варианты работы с бессознательным.

^{***} Дэвид А. Рапапорт (1911–1960) — психоаналитик, психиатр, крупный специалист в сфере клинической психологии. Внес существенный вклад в развитие теории психоанализа.

Первоначальную статью о поведении в экстремальных условиях я пытался создать (или считал, что должен это делать) в рамках доступных в ту пору психоаналитических концепций, которые никак не подходили моей теме. И сами исходные данные, и их толкования упорно не желали укладываться в те теоретические рамки, в которые я пытался их впихнуть.

Подчеркну, чтобы не исказить картину: все это касалось только теории психоанализа и проистекающих из нее взглядов на личность. В реальности термин «психоанализ» предполагает как минимум три разные вещи: метод наблюдения, терапию и свод теорий, описывающих поведение человека и структуру личности. Теория личности является самым слабым звеном в данной системе и определенно нуждается в пересмотре². Зато первый аспект психоанализа — метод наблюдения — более чем убедительно доказал свою ценность и больше всего помог мне. Он дал мне возможность заглянуть в бессознательное заключенных и охранников и осмыслить его. В одном случае это, судя по всему, спасло мне жизнь, а в других позволило оказать помощь товарищам по заключению.

Таким образом, концлагерь преподавал мне еще два, казалось бы, противоположных урока. Во-первых, что теория психоанализа не совсем состоятельна, когда применяется вне рамок собственной практики, а практика имеет изъяны, когда используется в неподходящем для нее контексте, например применительно к формированию хорошо интегрированной личности. Во-вторых, что в подходящей

обстановке практическое применение психоанализа дает бесценный результат, например через наблюдение учит понимать бессознательные мотивы поведения человека (без оценки предпочтительности поведения или адекватности личности).

Здесь, думаю, лучше всего привести еще один пример. Тестом на хорошо функционирующую и хорошо интегрированную личность считалась способность беспрепятственно выстраивать близкие отношения, любить, испытывать готовность к контакту с силами бессознательного и сублимироваться в «работе», что и было целью психоанализа. Отчужденность от других людей и эмоциональная дистанция с миром рассматривались как недостатки. Из комментариев в главе 5 по поводу группы заключенных, которых я назвал «помазанниками» и чье поведение в концлагерных условиях заслуживало всяческого восхищения, вы увидите, насколько поразили меня эти люди. При всей отчужденности от своего бессознательного, они тем не менее сохраняли себя, оставались верны своим ценностям даже перед лицом запредельных лишений, и лагерный опыт, казалось, едва ли затронул их.

Аналогичное поведение отмечалось у другой группы людей, которых, согласно теории психоанализа, следовало бы рассматривать как пребывавших в крайне невротическом, если не сказать бредевом состоянии и потому легко подверженных распаду личности, что свойственно человеку под действием стресса. Я говорю о свидетелях Иеговы — они не только показывали невероятные высоты

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

